

За мир и мирное сотрудничество

Советские люди встречают 38-ю годовщину Великого Октября в дни, когда укрепляются и растут надежды народов на сохранение прочного и длительного мира. События последних месяцев улучшили международную атмосферу. Теплый ветер Женевы начал очищать горизонт от туч «холодной войны».

Советский Союз играет активную роль в развитии нового, здорового духа международной политики. Известные всем мирные шаги советской дипломатии являются выражением неизменного стремления первого в мире социалистического государства к прочному миру на всем земном шаре, к сотрудничеству между народами. Советское государство ролится со словом «мир» и несло знамя мира высоко все 38 лет своей жизни. Советская внешняя политика опирается на ленинский принцип мирного сосуществования и неуклонно проводит его в жизнь.

Результаты Женевского совещания Глав правительств, советские мероприятия в пользу мира, миролюбивая политика Китайской Народной Республики, всех народно-демократических государств горячо одобряются всеми сторонниками мира, они укрепляют и закаляют их волю к борьбе. И тот факт, что чистый «дух Женевы» вытесняет смрад «холодной войны», в значительной степени является заслугой многочисленной армии простых людей с разными политическими взглядами, с разными привязанностями, различного вероисповедания и цвета кожи — людей, объединившихся на общей платформе защиты мира.

Народы ныне глубоко осознали свою ответственность за судьбу мира. Они взяли благородное дело защиты мира в свои руки. В течение нескольких лет движение против войны охватывало все большее и большее число людей. Идея мира стала неодолимой силой, организовавшей и сплотившей стремления миллионов.

Ход событий заставил противников мира отступить, им пришлось с каждым месяцем и с каждым годом все внимательнее и тревожнее прислушиваться к голосу сторонников мира. Этот голос стал выразителем чаяний простых людей, выразителем настроений широчайших кругов общественного мнения. Совсем недавно американский публицист Уолтер Липман не без горечи признавал: «Общественное мнение приобрело все увеличивающуюся власть в наш век. Оно превратило себя опасным хозяином решений, когда идет речь о жизни или смерти».

Движение сторонников мира стремится помочь разрешению жизненно важных проблем, близких и понятных любому честному человеку на земле. На форумах мира собираются представители всех стран земного шара, чтобы найти практический путь к миру. И на этой основе находят общий язык самые различные люди, самые различные организации. Всемирный Совет Мира, национальные комитеты мира действуют вместе с разнообразными профсоюзными, религиозными и патристическими организациями.

660 миллионов человек подписали Венское Обращение Всемирного Совета Мира. Разве это не свидетельство о жизнеспособности движения в защиту мира, о его широте и размахе, о прочности его корней? А ныне, когда Женевское совещание Глав правительств привело к некоторому ослаблению напряженности, новая ответственность легла на плечи борцов за мир. Сохранить «дух Женевы», уберечь его от покушений со стороны поклонников «холодной войны!» в этой связи является важнейшим делом. Обращение к мировому общественному мнению. «Сегодня, — твердо говорится в Обращении, — когда чувство страха отдалилось, когда недоверие ослабло, бремя «холодной войны» неупустимо».

Так считает общественность всех стран, всех континентов. И в этих условиях каждое активное действие, каждое практическое мероприятие, способствующее установлению атмосферы сотрудничества и доверия, — удар по позициям противников ослабления международной напряженности и, следовательно, укрепление «духа Женевы». Накануне открытия Женевского со-

ветского совещания четырех министров в Англии у стен парламента состоялся митинг. Участники митинга несли множество плакатов, которые гласили: «Пусть живет дух Женевы!»; «Мы требуем обеспечения европейской безопасности и создания миролюбивой Германии!»; «Мы требуем положить конец запретам на торговлю между Востоком и Западом!».

Пересечем Ламанш и увидим, что французские друзья мира так же горячо отстаивают «дух Женевы». По всей стране проводятся собрания, разрабатываются резолюции и направляются делегации в правительство и парламент. Национальный совет мира Франции единодушно принял «Призыв к общественному мнению» и решил развернуть с октября по январь 1956 года широкую кампанию в пользу мира.

А что происходит за океаном? Немаю было затуплено перен и истерично чернилами на то, чтобы доказать якобы коммунистический характер борьбы за сохранение мира. Жизнь развеяла эту легенду. И еще одно тупо свидетельство — письмо более ста видных американских общественных деятелей президенту Эйзенхауэру. Авторы письма — против «пригласения духа Женевы». Они — за откровенный обмен мнениями без угрозы применения силы, за мирный путь в будущее. Письмо в числе других подписали видный промышленник Эрнест Уэйр и банкир Джеймс Уорберг. Это люди, как известно, организационно не связанные с движением сторонников мира. Однако высказанная ими точка зрения близка и понятна всем борцам против войны, где бы они ни находились — в Азии или Африке, в Европе или Америке.

Ныне каждый человек, искренне заинтересованный в сохранении мира, обязан поставить перед собой, перед своей совестью вопрос: все ли он делает для торжества дела мира? Надо ясно осознать тот факт, что только народы могут сказать решающее слово, от их сплоченности и последовательной борьбы зависит будущее человечества. И именно растущее народное движение имело в виду французская газета «Монд», говоря, что теперь, мол, не те времена, когда дипломаты могут все время твердить «нет».

Народы ждут положительного разрешения назревших проблем. К их числу относятся прежде всего проблема сокращения вооружений и запрещения атомного оружия. В неменьшей степени народы хотят создания прочной системы коллективной безопасности Европы. Они внимательно наблюдают за дискуссией, сейчас разразившейся в Женеве, и с удовлетворением отмечают ее деловой характер. Они понимают, что от решения этого главного вопроса зависит не только будущее германского народа, но также будущее Европы. История показала, что положение на Европейском континенте во многом определяет судьбу всеобщего мира. Движение сторонников мира всегда выступало против замкнутых блоков и группировок, видя в них большую угрозу безопасности народов. Всякая попытка сохранить и усилить эти группировки не может способствовать улучшению международной атмосферы. В обеспечении безопасности Европы заинтересованы все европейские государства. Общественность одобряет миролюбивую и направленную к достижению соглашения позицию советской делегации в Женеве, предпринятую на заседании 31 октября проект Договора о безопасности в Европе с участием вначале более узкого круга заинтересованных государств.

Все люди доброй воли верят, что Женевское совещание четырех министров иностранных дел станет новой вехой на пути к укреплению мира и уменьшению напряженности.

Советский народ горячо поддерживает миролюбивую политику своего правительства. Он чувствует поддержку и симпатии стран лагеря социализма и демократии, которые также настойчиво добиваются торжества дела мира. С ним вместе — все народы, кровно заинтересованные в обеспечении мирного будущего. И вот почему в дни 38-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции советские люди повторяют Призыв ЦК КПСС:

«Борцы за мир во всех странах! Сплачивайте могучий фронт защитников мира против поджигателей новой войны, вовлеките в него все более широкие народные массы, будьте бдительны и проискан врагов мира! Выше знамя борьбы за мир и мирное сотрудничество между народами!».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 131 (3476)

Четверг, 3 ноября 1955 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

КРАСОТА НОВОГО

Федор ЭЙНБАУМ

Хороша Рига, одетая в багряный предзимний наряд. Уже дуют с Балтики пронизывающие, студеные ветры, морозит частый, игольчатый дождь, но деревья в парках, садах стоят все еще нарядные с пордевшей желто-красной листвой. Однако не только заповедные дорожки, устланные мозаичным ковром осени, чугунные чаши фонтанов, узорное литье мостов, переброшенных через пруды и речки, парковые ступенчатые террасы, сложенные из поздернутого плитняка, определяют красоту облика столицы Латвии. Сегодняшняя красота столицы Латвии — в десах строительства, в массивах подымаемых пятиэтажками заводских корпусов, во вскрывающейся широте промазья наших планов.

Недавно мне довелось беседовать с видным латышским конструктором. Человек с седыми висками и розовым моляющим лицом, перебирая чертежи, наброски, листки с расчетами — свой вклад в проект нового пятилетнего плана, — вдруг юношески увлеченно сказал:

— Если хотите понять, как люди рожают красоту нового, — побойтесь сегодня в цехах крупных предприятий. Вы услышите, как, вдохновенные решениями Коммунистической партии, простые труженики заботятся и о создании новых машин, о трикотаже и о шелках на прилавках новых магазинов и о яблоневых саженцах, фруктовых садах на новых дорогах Латвии...

В устах этого широко известного в Риге пожилого конструктора подобная фраза звучала несколько приподнято, романтично. Но я понял его страстную увлеченность, юношеский пыл, когда встретился, спрыгнувшись в рижских цехах, лабораториях, конструкторских бюро с потоком живого, трепетного творчества масс.

Есть в Риге завод «Автоэлектрприбор». Его знает вся страна. Электрприборщики с его маркой оснащены многие автомобили и мотоциклы, комбайны и тракторы. В цехах и отделах управления этого завода на многолюдных собраниях, посвященных обсуждению проекта нового пятилетнего плана, выступали инженеры и слесари, бухгалтерия и технологи, литейники и наладчики автоматов. Каждое из этих выступлений было пронизано душевной хозяйской заботой о том, как привести в действие все еще не использованные резервы.

Современные модели автомашин, тракторы и комбайнов требуют, чтобы и электроприборы для них были отличного качества и высокого класса точности. В шестой пятилетке заводу предстоит освоить и наладить массовый выпуск приборов для малолитражного автомобиля, для междугородного автобуса и других машин.

Как же это сделать? Каждый из участников собрания отвечает на этот вопрос по-своему, вносит свой обдуманный вклад. Технолог Альфред Лаутерс энергично доказывает необходимость четкой разработанной технологии, без которой невозможно изготовить не только машину или прибор, но даже деталь. Он приводит пример с крошечными деталями, с втулками и кольцами для спидометров. Еще недавно их изготавливали последовательно на четырех станках. Приходилось затрачивать много времени. Но в результате долгих творческих поисков, споров, расчетов родился мысль совместить весь процесс производства этих деталей на одном станке-автомате. И вот итог: не только значительное ускорение производственного процесса, но и повышение класса точности.

— Я поставил перед собой жизненную цель, — говорит технолог Лаутерс, — максимально использовать в шестой пятилетке все станки-автоматы, выполняющие на них полный цикл изготовления большинства деталей.

Отрадно, что активное участие в разработке колхозных тем принимают молодые литераторы. Сила дискуссии и в том, что горячий принципиальный разговор о литературе шел все время в связи с проблемами жизни, с конкретными задачами сегодняшней деревни. Подавляющее большинство выступлений показало, что писатели хотят быть активными помощниками партии в работе по подъему сельского хозяйства. Такой государственный страстный подход к делу и является залогом подлинных творческих успехов.

В. Смирнов отметил слабые стороны литературы на колхозные темы, ясно выявившиеся в ходе дискуссии. У нас еще мало повестей и романов, посвященных этим темам, а главное — по глубине изображения жизни деревни наши романисты значительно уступают лучшим мастерам очерка.

В дискуссии было мало обобщений. По мнению В. Смирнова, это было связано с тем, что обсуждалось мало произведений крупных форм, в частности больших произведений национальных литератур, а также с тем, что критики, которые в первую очередь и должны были бы обобщить накопленный опыт, в основном отлучались на совещания.

Следовало бы побольше и поконкретней поговорить о мастерстве, поговорить профессионально, так, как это получилось в творческом произведении Г. Николаевой «Повесть о директоре МТС и главном агрономе».

В заключение В. Смирнов еще раз подчеркивает положительное значение совещания и предлагает просить секретариата Союза писателей издать материалы дискуссии отдельной книгой.

Вера под председательством К. Симонина состоялась заседание секретариата правления Союза писателей, обсуждавшие итоги совещания.

Я познакомился с неторопливым, задумчивым человеком в сером опрятном халате. Сосредоточенно погруженный в какие-то цифровые выкладки, чертежи, он забегал на минутку из цеха к обширному письменному столу в застекленной конторке. Какие богатства рождаются на этом столе! Сейчас неотомимо рационализатор «Автоэлектрприбора» Виктор Строд заботит пневматическую прессу. Размышляя о перспективах своего родного завода, Строд спрашивает себя: а не таится ли в этих пресегах скрытый резерв производительности? Нельзя ли их видоизменить? Скажем, оснастить цилиндр пресса двумя поршнями с перегородкой. Вот тогда на сборке узлов прибор можно будет сократить несколько трудоемких операций. И на легкое блонда конструктор Строд уверенной рукой вписывает две цифры: «2—3». Это означает, что переоборудованные по его мысли пневматические прессы дадут возможность повысить производительность труда на одном из важнейших участков завода в два, а то и в три раза.

Засте же, на этом заводе, мне запомнилась миловиная энергичная женщина, выступавшая на собрании, — штамповщица Антонина Эггескал. Она очень забеспокоилась, когда ей предоставили слово; похоже было, что Эггескал не привыкла говорить на таких многолюдных собраниях. Свое выступление она начала с вопроса:

— Можем ли мы, товарищи, второе увеличить в шестой пятилетке производство мясных манометров, чтобы обеспечить тракторостроителям и комбайностроителям условия для большего выпуска машин?

Штамповщица задала этот вопрос, и смутившись, села на свое место. Но когда другой участник собрания поддержал и одобрил ее мысль, Антонина Эггескал осмелела и выступила еще раз, теперь уже с конкретным предложением механизировать подачу ленты в штампы. Закончила она так:

— Что касается меня лично, то я смогу в новой пятилетке увеличить производительность труда в два раза.

В три раза повысить производительность труда пневматический пресс, перестроенный конструктором Стродом. Выше больше продукции даст на своем участке скромная штамповщица Антонина Эггескал. За высокий класс точности ратует технолог Лаутерс. А в результате всей этой замечательной народной инициативы, живого творчества самих масс, горения душ коллектива завода «Автоэлектрприбор» вступает в шестую пятилетку с новыми силами.

Вот это и есть то зримое, уже запечатленное в первых набросках, чертежах, расчетах рождение красоты нового, о котором с понятием воодушевлением и юношеским жаром говорил мне рижский конструктор.

Реальность любого нашего плана — это люди, их хозяйские, государственные отношения к жизни. Когда мне довелось познакомиться с обширными цехами Рижского вагоностроительного завода, я снова столкнулся с этой прекрасной животворящей чертой, присущей советским людям.

Совсем недавно здесь, на вагоностроительном заводе, на таком же многолюдном, как и повсюду, собрании обсуждался проект шестого пятилетнего плана. Наряду с вагонами электровозов завод выпускает трамваи новой конструкции. Новый трамвай удобен, комфортабелен. Его цельнометаллическая, как говорят инженеры, «шесу» конструкция не только технически целесообразна. Она красива. Прозрительные колеса делают его ход бесшумным. Внутри просторно и светло. И все же, гордые своим детищем, они, собравшись об-

суждать проект шестого пятилетнего плана, пришли к единодушному выводу: мы не должны в новой пятилетке заниматься трамваями. Это — дело других предприятий страны. Почему? Да потому, что не трамвай, выпускаемые здесь от случая к случаю, составляют главную продукцию завода, определяют его производственный профиль. Главное — это электровозы, и во имя главного надо, по мнению коллектива завода, решительно отказаться от побочного. Все это, может быть, не окончательно и спорно. Но хочется видеть в этом еще и другое. Когда большой и вдохновенный мастер художник создает картину, он смело отбрасывает все даже яркое, выразительное, но второстепенное, загораживающее основной замысел. Так и рижские вагоностроители, стремясь на основе своего государственного расчета дать стране наиболее нужную и важную продукцию, перейти на серийный выпуск электровозов, использовать для этого все потенциальные возможности, вносят свои хозяйские, заботливые соображения в рожденный коллективно проект шестого пятилетнего плана.

Рига славится искусством своих мебельщиков. Покупатель отличает продукцию рижских мебельных предприятий по простоте, изяществу форм, по теплым, золотистым тонам отделки. Семь государственных мебельных фабрик и комбинатов, имеющих в Риге, должны к 1960 году вдвое, второе, а некоторые и в пять раз увеличить выпуск продукции. Но какую изготавливать мебель, какую новую продукцию дать потребителю?

На собраниях мебельщиков выступали столяры и полировщики, художники и технологи и, учитывая строгую и выскательную критику потребителя, вносили свои проекты производства новой мебели, с тем чтобы удовлетворить многообразные запросы. Согласно этому плану, домохозяйка, скажем, получит такое кресло, которое ей нравится. Будут выпущены именно такие тумбочки и полки для книг, какие ждуть в студенческих общежитиях, и такой письменный стол, за которым удобно и приятно будет работать ученому.

Шелка рижские тоже славятся в нашей стране — отличные, богатые расцветкой и оттенком шелка. Однако, когда на шелкоткацком комбинате «Ригас Аудумс» стали говорить об ассортименте продукции, который предстоит выпустить в новой пятилетке, одна из старых ткачих сказала:

— Товарищи, я побывала вчера, прежде чем сегодня выступить, знаете где? — у прилавка того магазина, где продают сейчас образцы наших будущих тканей. Я расспрашивала покупателя о том, какие цвета шелков и какая фактура их больше интересуют. Вот моя записная книжка...

И на «Ригас Аудумс» ушли разнообразные запросы не только рижанок. Наши женщины будут иметь возможность покупать не стандартные, не примелькавшиеся глазу новые шелка. Муар на вечернее платье, рижский добротный креп выйдут из экспериментальных цехов в широкую продажу. Почти на одну треть увеличится в шестой пятилетке выпуск продукции на шелкоткацком комбинате «Ригас Аудумс». В полтора раза больше трикотажа, жакетов всех рисунков и расцветок, дамских, кофточек даст потребителю рижская трикотажная фабрика «Мара».

Контур будущего, завтрашней! Как осторожно, нежно наносит порой карандаш художника эскизные наброски, так создадут инженеры и архитекторы свои первые заметки, первые очертания улиц, ансамбля проектируемых безстенных домов. Но каждый из нас знает: если в результате нашего совместного творчества на заводском собрании выкристаллизовалась уже какая-нибудь нужная народу идея, то она

Работники литературы и искусства! Боритесь за высокую идейность литературы и искусства, неустанно совершенствуйте свое художественное мастерство! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

(Из Призывов ЦК КПСС к 38-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.)

непреренно будет воплощена в жизнь. Вот почему и на вагоностроительном заводе и на заводе «Автоэлектрприбор» люди с такой уверенностью обсуждали не только технологично, техническую сторону своих предприятий, но и дальнейшее улучшение быта, строительство домов, школ, лесей.

Рабочие сборочного цеха на «Автоэлектрприбор» утверждали красоту нового в цветении флоксов и георгинов, посаженных на заводском дворе. Литейщики проектировали обилие света и совершенную вентиляцию в цехах. Перед мысленным взором инструментальщики уже вступали в строй фанеры на заводской территории, обрамленной зеленью, поднимались десятки кустов душистой сирени.

Планова забота о нуждах тружеников — органическая часть нашей производственной пятилетки.

На заводе мне сказали: строим детский сад, рассчитанный на 150 мест. Я спросил у одного из профсоюзных работников: «Где будет этот сад?». Он ответил: «В доме № 213 по улице Ленина». Можно подумать, что уже существует такой дом. В действительности его еще нет. Пока есть лишь пустыр и чертеж. Однако номер еще не выстроеного дома известен уже многим матерям на заводе. Люди знают, что будет построен и этот дом, и детское садик зазвучат на озелененной площадке в точности, как предусмотрено планом. Немало прекрасных образных слов посвящено труду человека, его сознательной силе в чудесных латышских народных легендах. Сказатели, восхваляя подвиги человека-творца, сравнивали его красоту с красотой цветущей аблоны.

И кажется почти символическим, что именно аблоны, нежная, стройная аблоны, олицетворяющая собой трудолюбие, духовную красоту человека, точно и зримо встает сегодня в завтрашних планах Советской Латвии рядом с электрприборщиками для тракторов и комбайнов, с вагонами электровозов, с шелками. На заводах закладываются плодовые сады, ягодники, заводская территория украшается цветами, клубами. Рядом с фонтанами на заводском дворе с цветочным палисадником под окном дома яблоневое дерево. Зеленые насаждения украсят дорожку советского человека, его быт, труд и досуг.

Много дорог в Латвии. Они пересекают ее с запада на восток и с юга на север, размазываются широкой, многокилометровой лентой под колесами поездов и автомашин. И строители дорог, собираясь нынче в своих красных уголках, в путевых конторах, чтобы обсудить план, проектируют так же, как погонный метр асфальта и бетона, скромному, задумчивому яблоню, шпирколистный клен, молодые дубки на обочинах этих дорог. В пять раз расширятся в новой пятилетке зеленые насаждения на дорогах Латвии.

В годы первых пятилеток советские люди, составлявшие по своей инициативе у себя на заводах и фабриках памятные нам встречные производственные планы, песни, повторяли строфы до сих пор дорогой нашему сердцу «Песни о встречном». Латышскому народу не довелось тогда работать, потеть вместе с московскими станкостроителями, с шахтерами Донбасса, со стадеарями Урала... Но зато теперь, стремясь опередить время, они своим горячим творчеством, открытые смелым трудом, устремленным в завтрашек, как бы слагают новую песню, коллективную дайку о красоте советской жизни.

Рига

Закончилось Всесоюзное совещание писателей

31 октября состоялось заключительное заседание Всесоюзного совещания литераторов, пишущих на колхозные темы. В этот вечер писатели встретились с министром сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевичем, министром совхозов РСФСР Т. А. Юркиным и другими руководящими работниками министерств.

Тов. Мацкевич подробно охарактеризовал положение в сельском хозяйстве страны, очертил круг проблем в жизни колхозной деревни, которые успешно решаются сейчас и будут решаться в ближайшие годы. К этим проблемам, разработанным на Пленумах ЦК КПСС, относятся прежде всего мероприятия по укреплению МТС, борьба с шаблонным подходом к руководству сельским хозяйством, развязывание максимальной инициативы снизу в вопросах планирования.

— Тут для писателей непочатый край работы, — говорят тов. Мацкевич. — Я не хочу, чтобы вы представляли, будто мы уже теперь можем сесть и начать писать, как правильно планировать хозяйство колхоза. Нет, конечно. Но надо показать чувства колхозника, который верно воспринял и ощутил всю силу предоставленных ему возможностей, всю правдоподобную перспективу... И здесь нельзя переоценить то значение, которое имело бы правильное отражение в нашей литературе передовых людей деревни — тех, которые наиболее быстро ориентировались в новой обстановке и стали организаторами сельскохозяйственного производства.

Тов. Юркин останавливается на проблемах совхозного производства. В стране сейчас более пяти тысяч совхозов, только на целинных землях их создано около 500. Кратко рассказав о достижениях совхозного производства, тов. Юркин говорит о существующих серьезных недостатках, призывает писателей больше внимания уделять жизни и труду работников совхозов.

После этого руководители сельского хозяйства ответили на многочисленные вопросы литераторов.

Затем секретарь правления Союза писателей В. Смирнов подвел итоги совещания. Он отметил, что творческая творческая дискуссия прошла очень интересно, содержательно, раскрыла много новых явлений

жизни сегодняшней деревни, показала сильные и слабые стороны наших писателей в разработке тем колхозной действительности.

Наибольшие успехи в изображении деревенской жизни достигнуты сейчас в жанре очерка. Поэтому, отмечает В. Смирнов, обсуждение проблем, связанных с развитием очерка, закономерно заняло такое большое место в дискуссии.

Отрадно, что активное участие в разработке колхозных тем принимают молодые литераторы. Сила дискуссии и в том, что горячий принципиальный разговор о литературе шел все время в связи с проблемами жизни, с конкретными задачами сегодняшней деревни. Подавляющее большинство выступлений показало, что писатели хотят быть активными помощниками партии в работе по подъему сельского хозяйства. Такой государственный страстный подход к делу и является залогом подлинных творческих успехов.

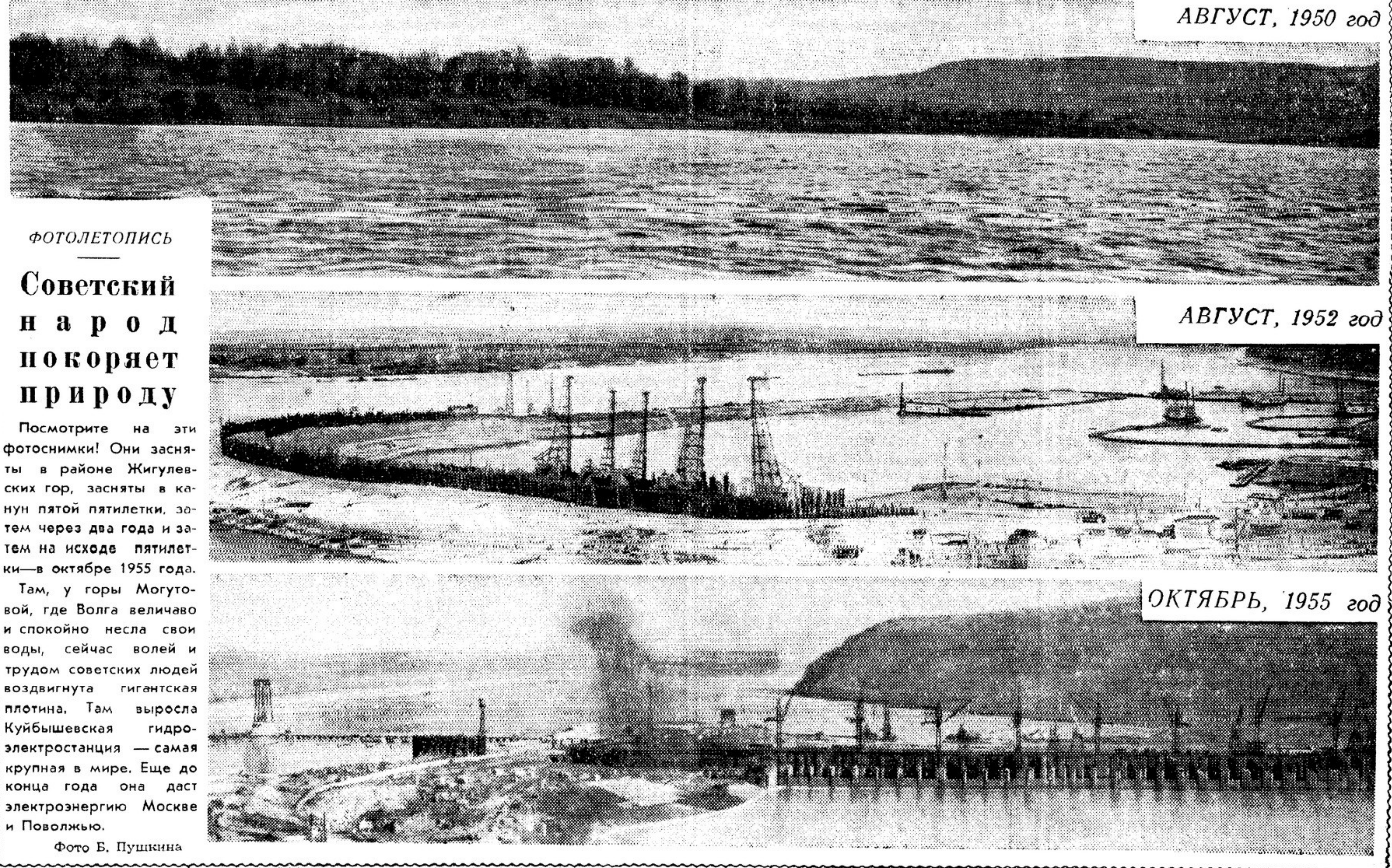
В. Смирнов отметил слабые стороны литературы на колхозные темы, ясно выявившиеся в ходе дискуссии. У нас еще мало повестей и романов, посвященных этим темам, а главное — по глубине изображения жизни деревни наши романисты значительно уступают лучшим мастерам очерка.

В дискуссии было мало обобщений. По мнению В. Смирнова, это было связано с тем, что обсуждалось мало произведений крупных форм, в частности больших произведений национальных литератур, а также с тем, что критики, которые в первую очередь и должны были бы обобщить накопленный опыт, в основном отлучались на совещания.

Следовало бы побольше и поконкретней поговорить о мастерстве, поговорить профессионально, так, как это получилось в творческом произведении Г. Николаевой «Повесть о директоре МТС и главном агрономе».

В заключение В. Смирнов еще раз подчеркивает положительное значение совещания и предлагает просить секретариата Союза писателей издать материалы дискуссии отдельной книгой.

Вера под председательством К. Симонина состоялась заседание секретариата правления Союза писателей, обсуждавшие итоги совещания.

ФОТОЛЕПОИСЬ

Советский народ покоряет природу

Посмотрите на эти фотоснимки! Они засняли в районе Жигулевских гор, засняли в канун пятой пятилетки, затем через два года и затем на исходе пятилетки — в октябре 1955 года.

Там, у горы Могутовой, где Волга величаво и спокойно несла свои воды, сейчас волею и трудом советских людей воздвигнута гигантская плотина. Там выросла Куйбышевская гидроэлектростанция — самая крупная в мире. Еще до конца года она даст электроэнергию Москве и Поволжью.

Фото Б. Пушкина

АВГУСТ, 1950 год

АВГУСТ, 1952 год

ОКТАБРЬ, 1955 год

Иосиф НОНЕШВИЛИ На земле Казахстана

Довольно отдыхать тебе, земля!

Довольно отдыхать тебе, земля,
Тебя клевали молнии,
хлестали ветры.
И зной, траву испепеля,
сушил тебя и трещинами старил.
Не удивляйся:
молнией ручной
наш тракторист на тракторе доволен,
поля водой обласканы речной,
а ветер крутит крылья мукомолена.
Те жебебоя?
Так не назову!
Да пахарь твой?
Быть может, под копытом
захватчика упал он на траву,
а ты мертвела тут, а краю забытом?
Твой воин,
как грузин,
рукой держал
одною — плуг,
другую — меч защити,
свои ладони, падая, разжал.

Ищи ты,
Где сердце, отшумевшее дыно?
Где кровь его горячая стучится?
Быть может, кровь перелилась
в зерно,
а сердце — тот орел, степная птица.
Довольно отдыхать, в зенит пыла.
Тебе дорога новая досталась.
Довольно отдыхать тебе, земля,
как человек труда, узной усталости!
Бывало, не тебе плуги куют,
плугом на карте ты была веками.
С презрением Фиркал на тебя
верблюдом
с поджатыми потертыми боками.
Ты, знамя жизни уронив из рук,
змея ядовитых приоткрыла пасть.
В глазах джейранов ширится испуг,
рога сайгаков обростали пеплом.
Расшавелись,
увидишь —
день иной!

Ищи ты,
Где сердце, отшумевшее дыно?
Где кровь его горячая стучится?
Быть может, кровь перелилась
в зерно,
а сердце — тот орел, степная птица.
Довольно отдыхать, в зенит пыла.
Тебе дорога новая досталась.
Довольно отдыхать тебе, земля,
как человек труда, узной усталости!
Бывало, не тебе плуги куют,
плугом на карте ты была веками.
С презрением Фиркал на тебя
верблюдом
с поджатыми потертыми боками.
Ты, знамя жизни уронив из рук,
змея ядовитых приоткрыла пасть.
В глазах джейранов ширится испуг,
рога сайгаков обростали пеплом.
Расшавелись,
увидишь —
день иной!

Верблюды

Горизонт желтел в тумане
от горячего песка,
медленно плелись верблюды
степью длинной, как тоска.
На ходу бурьян колючий брали верхнюю губой,
в жванном чавканье
чуть слышен колокольцев перебой.
Так ступали робко, будто под ногами —
глубь воды.

Маков отродясь не ели,
в дреме путали следы.
Два горба стоят, качаясь,
каждый весы самой судьбы,
мировая скорбь, должно быть,
в эти втиснула горбы.
Караван тянулся еле по пустыне, пряником,
будто крася на к кому-то, кто с пустыней не знаком.
Горизонт желтел в тумане от горячего песка,
медленно брели верблюды.
медленные, как века.
Удивленные, взирают на меня они сейчас.
Де. наивные верзилы.
много знаю я про вас!
Знаю, знаю я, верблюды, вашу тайную тоску:
уж не чудятся ли снова вам дороги по песку?
Как красавцам носили вы тогда издалека
полотно, парчу от Ганга
и китайские шелка.

Ждали праздника невесты,
женхи в краях других,
видно, помните вы шестст
их нарядов дорогих,
видно, помните дороги в Персии, в краю лобом
с лучшими глазами легких всадниц за горбом.
Слышал я:
когда к Тбилиси караван ваш подходил,
город открывал ворота,
в колокол гудящий бил.

Где была ваша слава?
No неплохо вам пока.
Есть пески еще,
но быстро
отступает грань песка.

Тем просторам,
где кололчки обходились без воды,
наши девушки и парни
предпочли теперь сады.
Им земля нужна для жизни,
жизнь сильнее,
жизнь — права.

Вы, верблюды, отвякните от кололчек,
есть трава!
От работы будет жарко, медлить нам никак
нельзя.

Вас спасем от зоопарка,
выше головы, друзья!
Перевел с грузинского М. ЛУКНИН

Путь в Антарктиду

Н. Н. МИХАЙЛОВ

Экспедиция Академии наук уходит к материку Антарктиды. Из всех путешествий, возможных на нашей планете, это будет путешествием самым далеким и самым трудным и потому увлекательным — до головокружения увлекательным.

Романтику Южного полюса писатели почти не затронули: книги наперечет: роман Жюль Верна, роман Эггара По, очерк Стефана Цвейга. Легче было писать о мифической Атлантиде, чем о завелом существующей, однако совсем малоизвестной Антарктиде. Но жизнь человека, приближающегося к Южному полюсу, становится такой героичной, что самый скромный и безыскусственный отчет о ней уже достигает огромной вдохновляющей силы, как это мы видим на примере дневников смелого, несчастного Роберта Скотта, кстати сказать, только что вышедших в нашей стране новым, наиболее полным изданием.

Почти все уже готово. Готовы корабли, пригодные к ходу во льдах. Собрались в дорогу геофизики, метеорологи, океанографы, летчики. Сконструированы сборные домики на стальных полозьях, приручена непроницаемая одежда, отобраны и проверены новые препараты.

Скоро экспедиция во всеоружии современной техники двинется в путь — в долгий путь через тропики к тому участку антарктического берега, где еще не ступала нога человека. И счастливы тем, что могут этот завидный путь себе представить. Погода, как я вернуси из плавания в Антарктику, и ясно вижу перед собой эту незабываемую дорогу через океан — за тысячи миль, на край света.

Вот суда покинут родное побережье, и люди на борту, первооткрыватели и землепроходцы наших дней, услышат команду: «Якоря по-подходному!» — как стих из поэмы, достойной Гомера. Промелькнут пасмурные моря меж муров Европы, Висландский залив, как всегда, погрожит крутой волной, и развернется безбрежная, залитая слепящим солнцем голубая Атлантика. Покатятся от горизонта уже не волны, а широкие, пологие волыны холмы, и даже в шторм корабли будут медленно раскачиваться на колыхающейся груди океана.

Кто-то первым увидит, как акула чернеет по глянцевитой воде острым плавником; кто-то первым вспомнит, что пора появиться Южному кресту, и почую райшлет среди непривычных созвездий его серебряный ромб. Реже будут встречены средь морской пустыни, зато серыецкие: вахтенный матрос с лайнера, идущего из Кейптауна в Лондон, в темноте светлыми пятнами спрыска, какое судно и куда идет, и получая ответ, проморгает фонарем что-нибудь вроде «гуд ночи», как это было с нами.

Времена года пойдут впеять: глубокая осень превратится в жаркое лето, а лето по ту сторону тропиков станет весной. Если зайти по пути в Южную Африку, то в кейптаунском парке у пальмозя Столовой горы изумленного европейца встретит самая пышная поря цветения: там декабрь — как у нас июнь. И когда дома, через год, после медькая сезонов, путешественники услышат от знакомых: «Сколько лет, сколько зим!» — эти стертые слова внезапно приобретут для них буквальный смысл.

При переходе из Северного полушария в Южное чудеса так и сыплются. Рыбы летают по воздуху; океан светится; тень человека в полдень скимается в пятнышко и прячется под ноги; воронка воды, вытекающей из ванны, начинает вращаться в обратную сторону; солнце за экватором неспешно движется справа налево; роки месяца опрокинуты, как в зеркале.

На этот раз в тропиках окажется немало полярников. Геофизики им скажут: переместившись с Северного полюса на экватор, вы на 21 километр удалились от центра земли; тело ваше стало на полпроцента легче... В довершение чудес выйдет Нептун с трезубцем, новичков намылит из воды. побрет аршинной бритвой и покажет в чаше морской волы.

Но тропики затем, кажется, и стоят на пути, чтобы человек опугил суровость Антарктики в полную меру. Померкнет море, затянется небо. Альбатрос, не шлохон крылом, промчит над пенной волы. Капитаны обойдут свой судя, все осмотрят от носа до кормы. И взрвет сорковые широты, открывая собой самое бурное место на земле.

Завет, засветит, выдернет пол из-под ног, потом подкинет, потом повалит... На «Славе» водяным валом был сбит прожектор, установленный на высоте 22 метров. Биты начнут взымать свои фонтаны. Раздается не то гоготание гуса, не то крик человека, и какие-то белые торпеды будут выскакивать из моря и снова туда падать — они окажутся пингвинами. Матросы опустят трап, и ненужные птицы, сторая от любопытства, забурются на палубу, будут разгудывать по ней в черных фраках и белых манишках — сама Несман-царевна покатались бы с хототу.

Линь пахте будет не до смеха: показався первый айсберг. Золым зайком, с башнями и арками, он грозно выплыл из тумана, сразу понизил температуру на градус. Айсберги здесь не такие, как в Арктике: видели плавующую гору длиной в сто миль. Корабли будут в пути больше месяца. И вот они вступят в малоизученный мир.

Держась, чтобы не упасть, прикрывая лицо от ветра и брызг, смотрел я с китобойного судна сквозь пургу на юг — на последний север. Гас-то близко к этому снегом, смешанным с дождем, за этой мглой, за белыми стаями льдин была мертвая, оцепеневшая земля. более ста лет назад открытая русскими. Это был шестой континент нашей планеты. Часть его берега еще показана пунктиром. Многие места до сих пор не только никем не посещены, — никем не увидены.

К материку Антарктиды подойдет несколько экспедиций, среди них — Советская. Она высадится едва ли не в наиболее труднодоступном месте, во всяком случае, — в месте не исследованном; часть берега, лежащего в четырех тысячах километрах к югу от Австралии, не имеет карт.

Что их там встретит? Поойдут ли суда прямо к береговому обрыву или им придется долго пробиваться сквозь льды? Книбочки рассказывают: однажды в пределах видимости было сразу двести айсбергов. Морские льды могут тянуться на сотни километров.

Найдегся ли для лагеря клочок твердой земли или надо будет строить дома на леднике? Ледники хоть и медленно, но сползают в море.

Будет ли снежная погода или закружат ураганы? Один австралийский путешественник насчитал на Земле Адела, сравнительно недалеко от тех мест, куда идет Советская экспедиция, 340 дней с бурей в году. Ржавую металлическую цепь снежных вихря за несколько суток подпировади до босса.

Как бы там ни было, — мужественные люди готовятся к труднейшему, а после говорят: «не так был страшен черт»...

И горюлок будет создан и научная работа пойдет полным ходом. И самолеты поднимутся в неизведанное антарктическое небо. И когда придет назначенное время, забросит исследователь в белую, прозрачную, морозную, безмолвную гдауб материку, к полюсу недоступности и в геоматричному полюсу — на снежную высокогорную равнину. Впрочем, еще неизвестно, равнина ли там.

Экспедиции создадут в Антарктике до тридцати научных станций.

При исчислении, какую часть суши земного шара занимает та или иная страна, географы обычно исключают материк Антарктиды, как необитаемый, и для СССР, в частности, выводят одну шестую. Теперь, если подходить к делу строго, такой расчет, пожалуй, окажется устаревшим. Какая это заманчивая задача: хотя бы отдельными точками научных станций, хотя бы лишь на время третьего Международного геофизического года расширить ойкумену — область человеческого обитания — на неосвоенный материк площадью больше Европы!

Конечно, обитателей для 14 миллионов квадратных километров будет мало, но тут важен принцип: гигантская каменная бура, закопанная в лед, перестает быть ненужной и лишней, человечество входит се во все ускоряющийся, расширяющийся оборот своей жизни.

А. П. Карпинский сказал как-то, что геология нужна вся земля. Вся земля нужна географу, геофизику, климатологу — познание планеты не может развиваться, если в поле зрения ученых не включен земной шар весь, целиком.

В природе все взаимосвязано. Кризисная земной поверхности, линия геологических структур, теплообмен в Мировом океане, траектория космических лучей, магнитные бури, содержание атмосферы не знают предельных пограничных рубежей. Планета Земля единая, и на глобальной-коричневом глобусе нельзя больше терпеть до-садного белого пятна там, внизу, где глобус насажен на подставку и куда мы привыкли не заглядывать.

Природа нашей разноразличной, разномыслиющей планеты единая, — естественна, что белое пятно Антарктиды будет стерто дружной работой ученых многих стран — СССР, Англии, Франции, США, Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Бельгии, Чили, Аргентины, Японии...

Вот студеная, далекая, отрешенная Антарктида уже и приносит пользу жителям Земли: она поможет объединению государств общей, мирной целью.

„Насущные задачи писателей Грузии“

Под таким заголовком газета «Заря Востока» опубликовала передовую статью, посвященную современному состоянию грузинской литературы.

В статье отмечается, что в последние годы после Второго всеозонного съезда советских писателей, правление СП Грузии, редакция журнала «Минотавр» и «Литературная газета» несколько улучшили свою работу. Более активно стали выступать грузинские критики; чаще стали появляться произведения наших современников. Больше внимания уделяется воспитанию литературной смены. Комиссия по работе с молодыми провела совещания начинающих писателей в Кутаиси и Гори.

Основное место в статье занимает анализ серьезных недостатков, которыми еще страдает деятельность СП Грузии и его печатных органов. Газета полечеривает, что творческие секции в союзе работают слабо. Обсуждение новых произведений в секциях носит случайный характер; в этих обсуждениях редко участвуют ведущие грузинские писатели. Попрежнему отстают проза и драматургия и по тематическому разнообразию (до сих пор мало романов, рассказов, очерков, пьес о рабочем классе) и по художественному качеству. Редко появляются теоретические статьи по вопросам эстетики,

У писателей Азербайджана

БАКУ. (Наш корр.). В Союзе писателей Азербайджана состоялось совещание, посвященное вопросам поэзии. С докладом о мастерстве, традиции и новаторстве в азербайджанской советской поэзии выступил М. Джафаров. В прениях участвовали С. Вурган, Р. Раа, С. Рустам, А. Касумов, А. Джамиль, Ф. Агаев, С. Рагимов, О. Сариев, Г. Корюклов, А. Ализаде, И. Ибрагимов.

Последний пленум Союза писателей Азербайджана, посвященный детской литературе, и двухдневное совещание по поэзии — примечательные события в жизни республиканской писательской организации.

День поэзии в Казани

На днях в Казани был проведен День поэзии. В шести крупнейших книжных магазинах перед читателями выступили татарские поэты С. Баттал, А. Ерикеев, А. Исхак, Ш. Маннур, Н. Арсланов и другие. Они беседовали с читателями, читали стихи.

1. В узкой, не очень светлой комнате за столом сидит женщина средних лет.

По другую сторону стола располагается посетитель — иной с первой минуты чувствует себя здесь вполне уверенно, по-хозяйски раскладывает бумаги, неуверенно излагает свое дело; иной шумен, взволнован, мнется: «Не знаю, с чего и начать...». Женщина слушает спокойно, не торопится, без нужды не перебивает; ее живые темные глаза внимательно смотрят на рассказывающего.

Вот это-то умение слушать собеседника, столь необходимое человеку, ведущему прием, присуще секретарию Харьковского горисполкома Анастасии Ивановне Федько. Как часто еще у нас прием трущобных, избирателей проходит не то чтобы совсем формально (и это бывает), но в спешке, «там тычке», между тысячько дел. «Ну, что там у вас, поскорей!» — бросит начальственным тоном ведущий прием человек, и контакт нарушен, посетитель «стучится» и уходит, раздосадованный, сожалея о часах, потерянных в очереди. Споры нет — нередко приходится отказывать посетителям в просьбах и требованиях, неправомерных или невыполнимых, но и отказывать следует так, чтобы человек понял причины отказа, почувствовал силу аргументации. (Анастасия Ивановна шутя говорит: «чтобы и отказом остался доволен»). И о том спорить нечего, что некоторые посетители приходят осаживать, приводить в порядок, встречаться «волею», которым дай только волю, заговорят, другие раскиснут, не оставшись ни о чем, надо разбираться: шалит ли нервы у человека или это нахал?

Всегда бывает в приемной комнате.

Но для того, чтобы здесь царил атмосфера спокойствия и деловитости, сердечности и непринужденности, нужна, кроме элементарного такта, и особая душевная настроенность, я сказал бы, внутренняя подготовка того, кто прием велет.

На приеме, который я пытаюсь «отренцировать», эта обстановка создавалась. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое ощущение. Проверая себя, я стараюсь занимать как можно меньше места в комнате, не привлекая внимания. Безослушный и, разумеется, молча, несколько раз как бы эмшал точку зрения: глядел на происходящее то из-за письменного стола секретаря горисполкома, то из-за спины ее посетителя, — и все равно хорошее ощущение не покидало меня.

Федько слушала, задавала вопросы, иногда объясняла, а иногда отчитывала, но чаще всего слушала. Не торопясь, принимала решение — кое-кого окончательное, как ножом отрезет, в других случаях — предварительное; звонила по телефону. Порой она — это было заметно — сдержанно на недоброжелательного посетителя, в другой раз была явно огорчена тем, что не могла тотчас же реально помочь человеку, который тот же рассуждал, но во всех случаях — илюю эту работу делала уважительно к людям.

2. Двадцать шесть посетителей. Всего двадцать шесть строчек в специальной книге для регистрации избирателей, пришедших на прием к члену Исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся.

Но за этими строчками — характеры и судьбы людей, их бытовые неурядицы и семейные конфликты, житейские невзгоды и организационные трудности... Словом, за этими строчками — жизнь.

Иногда надо разбираться; надо решить каждый вопрос в каждом конкретном случае в соответствии с законом и по долгу совести коммуниста, с наибольшей пользой и для данного человека и для общества.

Первый посетитель, бухгалтер научно-исследовательского института, жалуетесь на неправомерное увольнение. А заодно разоблачает своих бывших начальников: в такие они и свкие; факт називается за фактом. Жалобщик не может вызвать особую симпатию — раньше-то он молчал, а теперь, когда его уволили за проступок, заговорил, стал «борьбой за правду». Но сигнал серьезный, в нем надо разобраться. Сведения записаны, в институт будут направлены депутаты, обследуют, будут предложены пути через пять дней.

Следующее дело решить куда проще. Инвалид просит выделить сто строки шук 300—400 кирпичей, погреб залудал соорудить. Секретарь горисполкома рекомендует ему обратиться в магазин стройматериалов, со строий брать нельзя. «Нй, деточка, ходил — в магазинх нема». (Это е-то он называет деточкой, мать троих взрослых детей). Но Федько даже не улыбнется, она растолковывает, в какой магазин, поблизо- сти от места жительства простояла, привезли кирпич, потом для верности звонит директору этого магазина.

Договорились, видят ли, не сошлись. А то, «деточка, нема». — Ну вот и хорошо. А то, «деточка, нема». — Ну вот и хорошо. Анастасия Ивановна вспыхивает веселые огоньки.

На смену приходит женщина, просит помочь устроить дочку на завод. Кончила девочка семидежку, начала было дальше учиться, жили хорошо, да отец у нас помер, надо ей работать... Посетительнице необходимо излить свое горе — и вот уже женщины вместе разглагользывают фотокаточку покойного, а потом другую, на которой снята вся семья. Ну, а теперь к делу: дочку я советуюа бы направить на такой-то завод, там нужны лаборанты, профессия хорошая, научит быстро. Пусть сходит сегодня же. Будут какие-нибудь недоразумения — приходите. Уладим.

Вот оно, нужное слово.

3. Ушел последний по очереди посетитель, залопотала книга регистра...

Но работа по приему не закончена. В конце дня Анастасия Ивановна разговаривает с городским прокурором (это — по делу рабочего с тракторсборочного, того самого, которого облопошили в жилищлощадью), с судьей, с завелующей санитарно-эпидемиологической станцией, с председателями райисполкомов, с другими работниками. Направляет на места депутатов, ин- структирует их. При этом он чувствуете, как это бывает, ни малейшего стремления «закрывать» жалобу, наоборот, желание разбираться в ней до конца.

То же законное желание побудило Федьку на следующее утро отправиться на Рымарскую улицу; хотелось самой поглядеть, в каких условиях живет одна из вчерашних посетительниц. Эта женщина горько плакала на приеме — живет трудно, дочка болезненная, комната сырая, да еще и соседи бесчинствуют. Просила помочь обменять площадь и уж, как минимум, заставить соседа отодвинуть свои хозяйственные постройки — от них сырость. Жалобщина произвела на Федьку (да и на меня тоже) хорошее впечатление, слова ее показались искренними, претензии — обоснованными.

Однако утром, на месте, жалоба приобрела несколько другую окраску. Живет женщина действительно худо, но не хочет падец о падец ударить, чтобы самой хоть немного привести свое жилье в надлежащий вид; и самое главное — выяснилось, что была раньше у женщины лучшая комната, да она поменяла ее, очевидно, не бескорыстно. В этом еще, конечно, следует разбираться, но так или иначе — выходит, не всегда слезам верь и на интуицию свою не всегда полагайся. Проверка нужна.

Полезным для секретаря горисполкома был этот краткий выезд в дом на Рымарской улице. Поглядела, как люди живут, в каком состоянии жилищные хозяйства, кое-что записала в блокнот. Так от разбора одного заявления протрунулась ниточка к другим немаловажным делам.

Увы, руководители Харьковского горисполкома мало бывають в районах, мало ходят по городу — все заседания да совещания, комиссии да подкомиссии... Весной бюро обкома партии обсуждало вопрос о работе аппарата городского Совета. Советские работникам порекомендовали тогда сократить количество заседаний, поток бумаг и не менее двух третей времени проводить в районах, в живом общении с избирателями. Подсчетов точных я не производил, но знаю: не выполнено это указание. Текучка заедает.

Вот и с приемом посетителя. Установил твердый график для всех членов исполкома, расписание вывешено на видном месте, но часты замены и даже срывы.

6 октября, на другой день после описанного здесь приема у Федько, произошел такой случай: В. Мельник, заместитель председателя горисполкома, начал принимать посетителя в 2 часа 45 минут после назначенного срока. Разумеется, от этого приема у пришедших на него остался горький осадок. А в тот день к тов. Мельнику было записано 47 человек!

Говорят, что Мельника именно в эти часы вызвали не то в горком, не то в обком. Возможно. Но думаю: если бы он предупредил о том, что 47 избирателей ждут в очереди, вызов был бы отложен...

К сожалению, часы приема посетителя не стали еще святыми и неприкосновенными часами у советских работников Харькова (да не только Харькова, но и Москвы и других городов). И случаи срыва приема не рассматриваются как провинствие чрезвычайное, а именно так должно быть!

Вспомним, какое большое значение приему график придала Ленин. В «Наброске правил об управлении советскими учреждениями» Владимир Ильич подробно разработал систему приема публики, указав при этом, что часы приема следует назначать и в воскресные и в праздничные дни.

На приеме граждан явственно чувствовалась заинтересованность Анастасии Ивановны Федько в делах и судьбах тех, кого она выслушала. Сердечное отношение к судьбе человека, желание помочь ему — вот что должно быть законом для всех наших работников.

ХАРЬКОВ

На снимке: инженер-технолог офсетного цеха Зоя Винокурова и печатник Александр Дудин определяют качество печати обложки к роману «Роб Рой». Фото кинооператора А. Ребенгул

НА ПРИЕМЕ

П. ПОДЛЯШУК, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Тов. Федько всегда старается разбираться в деле, внести ясность в него и, если только возможно, уладить. Она не сразу и не часто принимает окончательное решение, не иррекает абсолютных истин: «я так сказала, и basta!». Она выкивает в суть, доброжелательно подходит к человеку.

Да, многое можно уладить. Я не говорю о таких случаях, как жалоба на народный суд Дзержинского района. Судья 4-го участка не то в отпуске, не то болен — дела лежат без разбора, люди ходят, обивают пороги, нервируют. Двое даже в горисполком пришли. Федько звонит в Управление Министерства юстиции по Харьковской области. Вот и уладено: с понедельника вылет на работу другой судья.

Старичок жалуетесь: продал он подлода, а теперь с покупателем неладя из-за коридора, чуть не до драки дело доходит, судиться придется.

— К чему судиться, у суда и без того работников хватает. Миром, миром надо решать. Направлю к вам депутатов, разберутся, рассудят. Завтра сосед будет дома, вечером? Вот завтра и придет депутаты.

Так уладены жажобы об устройстве на работу, о прописке, о записи на очередь для получения земельного участка. Порой удается решить вещи и посложнее.

Распределением жилищлощадли горисполком теперь не занимается. В Харькове дело это передано районным Советам депутатов трудящихся. Но вот на приеме у Федько молодой человек, техник одного из заводов. Суть дела такова: после демобилизации он женился, есть ребенок; жена работает в проектной институте, работает давно и неплохо. Площади у них нет, скитаются по частным квартирам, а с ребенком жить не больно-то держат. Да, так вот, институт выстроил дом, заселяет. Подала жена заявление — отказали. Заставлю ее и директорию пойти, объясняться — не идет, планет. Несомненно она. А без комиссии зарез. Может, вы переговорите?

Федько знает директора института и обещает поговорить с ним по телефону. Сегодня же вечером, обязательно. А посетитель советует обратиться также к общественным организациям института: «Если жана такая несмелая, сами сходите, тут стесняйтесь нечего. Вопрос жизненный».

На приеме — рабочий тракторсборочного завода. Год и месяц тому назад снял он комнату, заплатил солидный куш, но не оформил как следует — бывший хозяин уехал на Кавказ, а теперь вернулся и требует обратно; получил отказ, подал в суд на выселение. Суд пошел формально, выседали, в девятый с семей некуда, хоть в сарай переберайся. Да, еще забыл сказать: хозяйню площадь-то не нужна, и не в первый раз он деньги вымогает.

Секретарь горисполкома тщательно разбирается в обстоятельствах дела. И хотя формально как будто бы в данном случае право на стороне бывшего, а не нынешнего хозяина комнаты, коммунистка Федько не может мириться с халупой, нет, не может допустить, чтобы восторжествовало несправедливое.

Отпуская посетителя и обещая помощь, Федько пристыдила его: «Как же это так, вы, рабочий человек, пошли на сделку с аферистом, позволили втянуть себя в неблагоприятную историю. Не к лицу это вам!».

Пристыдить пришлось и другого посетителя. Молодой человек просит содействия в прописке: снял угол у старухи, но милиция отказывается прописать — не хватает санитарной нормы. В беседе выясняется, что раньше товарищи жили у жены, четыре месяца как поменялись, а теперь вот раздельно живут в Урюпинске, но желающей прописаться, чтобы было обязательно только в Харькове, — тянет в большой город... И юнцу, который демонстративно ревел в кабинете, стремясь вызвать жалость к себе: «Что же мне теперь, воротать, что ли?». Ему нет 16 лет, кончил семидежку, хочет поступить на работу, но берут никаку, мал, говорят, подожди, паспорт получишь — тогда. В промежутках между взыслываниями выяснилось, что парень живет с родителями, сравнительно обеспечен и на работу поступить хочет не столько для заработка, сколько для справки — перешел в школу рабочей молодежи, а там без справки не держат. Получив от Федько отказ (она предложила ему вернуться в дневную школу — сходить сегодня же. Будут какие-нибудь недоразумения — приходите. Уладим).

Вот оно, нужное слово.

Жаловаться обещают многие, и странное дело, чаще всего именно те, чьи жалобы неправомысленны.

А инвалды, требующий от Федько суду на освобождение печелами и отлично знающий, что такая судя не может быть выдана, — тот не захотел даже выслушать объяснений. Протиявая заранее заготовленное заявление, он твердил одно: «Пшине отказ, пойдю по дистанциям!».

Увы, «по дистанциям» нередко обращаются люди без нужды, да и без смысла, плодя число бумаг и увеличивая очереди в приемных. Речь идет не о сутягах, жалобщиках-любителях, — есть и такие! — а горюбы о людях, которые, не будучи уверены в силе решения нижней инстанции, обращаются в высшие, хотя дело-то у них простое и ясное.

Тут во многом повинны сами советские работники, которые ведут прием: зачастую в райисполкоме не берут на себя решение несложных вопросов — попробуй сходить в горисполком... А заместитель председателя горисполкома не оставит точку там, где следует; вместо точки — запятая: пусть-ка председатель примет решение...

Для успеха дела надо повысить ответственность работников Советов за прием посетителя: разберись в вопросе и, по возможности, в меру отпущенной тебе власти, реши его сам, не перекладывая на других! Федько старается следовать этому правилу.

3. Ушел последний по очереди посетитель, залопотала книга регистра...

Но работа по приему не закончена. В конце дня Анастасия Ивановна разговаривает с городским прокурором (это — по делу рабочего с тракторсборочного, того самого, которого облопошили в жилищлощадью), с судьей, с завелующей санитарно-эпидемиологической станцией, с председателями райисполкомов, с другими работниками. Направляет на места депутатов, ин- структирует их. При этом он чувствуете, как это бывает, ни малейшего стремления «закрывать» жалобу, наоборот, желание разбираться в ней до конца.

То же законное желание побудило Федьку на следующее утро отправиться на Рымарскую улицу; хотелось самой поглядеть, в каких условиях живет одна из вчерашних посетительниц. Эта женщина горько плакала на приеме — живет трудно, дочка болезненная, комната сырая, да еще и соседи бесчинствуют. Просила помочь обменять площадь и уж, как минимум, заставить соседа отодвинуть свои хозяйственные постройки — от них сырость. Жалобщина произвела на Федьку (да и на меня тоже) хорошее впечатление, слова ее показались искренними, претензии — обоснованными.

Однако утром, на месте, жалоба приобрела несколько другую окраску. Живет женщина действительно худо, но не хочет падец о падец ударить, чтобы самой хоть немного привести свое жилье в надлежащий вид; и самое главное — выяснилось, что была раньше у женщины лучшая комната, да она поменяла ее, очевидно, не бескорыстно. В этом еще, конечно, следует разбираться, но так или иначе — выходит, не всегда слезам верь и на интуицию свою не всегда полагайся. Проверка нужна.

Полезным для секретаря горисполкома был этот краткий выезд в дом на Рымарской улице. Поглядела, как люди живут, в каком состоянии жилищные хозяйства, кое-что записала в блокнот. Так от разбора одного заявления протрунулась ниточка к другим немаловажным делам.

Увы, руководители Харьковского горисполкома мало бывають в районах, мало ходят по городу — все заседания да совещания, комиссии да подкомиссии... Весной бюро обкома партии обсуждало вопрос о работе аппарата городского Совета. Советские работникам порекомендовали тогда сократить количество заседаний, поток бумаг и не менее двух третей времени проводить в районах, в живом общении с избирателями. Подсчетов точных я не производил, но знаю: не выполнено это указание. Текучка заедает.

Вот и с приемом посетителя. Установил твердый график для всех членов исполкома, расписание вывешено на видном месте, но часты замены и даже срывы.

6 октября, на другой день после описанного здесь приема у Федько, произошел такой случай: В. Мельник, заместитель председателя горисполкома, начал принимать посетителя в 2 часа 45 минут после назначенного срока. Разумеется, от этого приема у пришедших на него остался горький осадок. А в тот день к тов. Мельнику было записано 47 человек!

Говорят, что Мельника именно в эти часы вызвали не то в горком, не то в обком. Возможно. Но думаю: если бы он предупредил о том, что 47 избирателей ждут в очереди, вызов был бы отложен...

К сожалению, часы приема посетителя не стали еще святыми и неприкосновенными часами у советских работников Харькова (да не только Харькова, но и Москвы и других городов). И случаи срыва приема не рассматриваются как провинствие чрезвычайное, а именно так должно быть!

Вспомним, какое большое значение приему график придала Ленин. В «Наброске правил об управлении советскими учреждениями» Владимир Ильич подробно разработал систему приема публики, указав при этом, что часы приема следует назначать и в воскресные и в праздничные дни.

На приеме граждан явственно чувствовалась заинтересованность Анастасии Ивановны Федько в делах и судьбах тех, кого она выслушала. Сердечное отношение к судьбе человека, желание помочь ему — вот что должно быть законом для всех наших работников.

ХАРЬКОВ

Эстонские телевизионные передачи принимаются в Финляндии

В последние месяцы программа московской телестудии принималась в Праге, Берлине, некоторых городах Голландии. Этот прием носил случайный характер и объяснялся изменениями, происходившими в иносфере.

Примем же в Хельсинки телевизионные передачи из Таллина — явление постоянное, устойчивое. Южная часть Финляндии находится по прямой примерно в ста километрах от Таллина. Для приема изображений на таком расстоянии нужны лишь телеви-

зторы повышенной чувствительности. В Финляндии для этого используются новые советские телевизоры «Тем-2». Этот выпускаемый нашей промышленностью модернизированный аппарат с повышенной чувствительностью рассчитан на пять телевизионных и три программы УКВ. На нем установлены автоматическая регуляторка приема, раздельное включение изображения и звука и т. д.

ОБЛИК ПОЭТА

Лев ОЗЕРОВ

Сравнительно немного довелось написать и напечатать Вадиму Стрельченко, погибшему в первый год войны. Стих поэта проверил жизнью его. Темперамент художника сочетался у него с серьезностью. Печатались он куда меньше, чем писал, писал куда меньше, чем задумывал. Задумывал же он дерзко, ярко, молодо.

У нас есть поэты, воспевавшие новое в нашей жизни. Стрельченко — новый поэт. Корни его деланом в почве страны Советов.

Откроем книгу поэта. Он задумчив и деятелен, мечтателен и открыт, — все состоящий не перечесть. Но нигде вы не увидите его одинокого и сиротливого. Всюду — на всех страницах — люди. Не герой и толпа, а коллектив, личность в коллективе ранних и поздних.

Нераздельность поэта и героев, несаящихся его стихов, сдвигается жизни автора с жизнью дома, улиц, города, страны — одна из самых заметных сторон поэзии Стрельченко. Читатели Стрельченко, беря в руки его стихи — портрет его, должны помнить и о других людях, живших и живущих рядом с ним. Об этом напоминал сам поэт:

Со мной на фотографии моей
Должна бы сняться тысяча людей,
Людей, составивших мое семейство,
Пусть мать качает колыбель мою!

Пусть рядом, говорит поэт, встанет матрос, побившийся за свободу, доставшаяся ему. Стрельченко, и тебе, читатель, пусть рядом встанут прачки, пшени, слесари. — Все те, кто работает во имя человека.

Со мною вы. Без вас, мои друзья,
Что стоит фотография моя!

Чистое и благоговейное по существу своему, «по самой степенной сути», отношение к простым людям, к народу — творцу всех ценностей мира, является чертой, органически присущей Стрельченко как человеку и поэту. Этому чистому и благоговейному отношению нельзя научиться сразу. Его можно и должно воспитать в себе длительной жизнью и работой в коллективе советских людей. Нельзя его получить готовеньким, надо выстрадать его. Отцы, братья Зиничи, записали это святое чувство своим сыновьям. Мало было пережить это чувство у старших. Надо было укрепить его в себе при взятии новых крепостей — на стройке Магнитки и Кузбасса, в боях Отечественной войны.

Много есть у нас стихов о красном знамени. Но Стрельченко сказал о нем самое простое и проникновенное, связав его с жизнью поколения и своей жизнью:

Да пролей я веселым шагом,
Неизвестный лежал и скрягам,
Славя яблоко над землей!

Тонкая красная материя флагом
Зашитый, как толстой стеной.

Поэт был настоящим гражданином — бойцом «Брасфлаговой строя».

Любовь к человеку труда у Стрельченко непосредственна, реальна, тепла. Она не выдувана, а выстрадана. У Стрельченко простые рабочие, открытые отношения с миром и людьми. Он хочет, чтоб хоззна охватывала лопата, «а не пес и замок».

В Арпакине на новостройке рядом со Стрельченко спит незнакомый ему человек. Комбинезон его свернут. Человек не берет, ляжет в морщинах. Но и этот незваный поэт рабочий страны впускает ему глубокое чувство:

Сидина твоя и властных пальцев пятерня
Пусть других сбивает с толку,
Только не меня!

С мужнином ростом,
С кулаками и лицом бойца...

За этими строками — целая жизнь, своя мысль, самостоятельная дума.

Мимолетная зарплатка: автобус Николаев — Херсон. Наверстает бегут поля. Что же изображает поэт? Поле? Ничуть не было! Свою радость. Чему же он радуется?

Я рад,
Что на планете не был я
Помещиком ни дня!

Много раз художникам слова удавалось силой своего мастерства передавать ценность мира, его плотность, цвет и свет. Но вот новое ощущение дела рук человеческих:

Над каждой ветвью
Цветком-невидимкой
Сердце мастера дрогнет
На — не знаю каком! — стебельке.
Десять пальчик, как венчик,
Мерцают дымок...

Ценный человеческий труд в глазах поэта становится мерилом красоты. С какой задушевною поэт обращается к другу: «только в детстве — себе на память — ты не зарабатывал сам!». Трудовым пониманием жизни диктовалось новое видение природы. О кустах: «они она ладонистых поднимали оправдание свое: цветы». Именно: не украшение, а оправдание. В этом выборе виден весь Стрельченко.

Стих Стрельченко угловат и на первый взгляд даже неуклюж порой. Этим стихом Стрельченко передает и четкий шаг демонстрантов, и тяжелый удар молота по наковальню, и характерность живописной речи. Этот же стих способен передать нежное застывание листьев и акварельные краски осеннего пейзажа.

По стихам Стрельченко всегда узнаешь его, если даже под ними нет подписи. Узнаешь и по полке вещи и по отдельной строке. Индивидуальность — это вовсе не однородность изобразительных средств. Индивидуальность поэта создается только единством и цельностью его взгляда на мир. А художественные средства, выражающие это единство, могут и должны быть различны. В пушкинском «Я помню чудное мгновенье» изобразительные средства совсем иные, чем в его же стихотворении «Врун с водой урони», об утесе ее дельца разбала. Но какая могучая художественная индивидуальность стоит за тем и за другим! Оказываются, единство не в однородности и однородности, а в цельности разнородного.

У Стрельченко очень мало стихов о стихах, о своей поэзии. К немногим относятся стихотворения «Смотрителю дома». Если у ворот дома, где живет поэт, остановится прохожий и спросит, живет ли в нем человек, который

...хоть писал голами,
Обыск карманы брюк своих,
Вытащит не кошелек с деньгами,
Только сильные две руки мужских;
И не пlying посвистом гордится —
Яблоком, киркой в руках лущит.
Потому что больше пенья плути
Любит смех и голоса друзей.
И затем лишь и живет на свете?

Увидав в моем окошке свете,
Вы тому товарищу ответьте:
— В этом доме есть такой поэт.

Да, есть такой поэт, мир которого открыт и широк. Это мир, чуждый корысти и злобы, мир весеннего человечества. Имя этого поэта — Вадим Стрельченко, и надо сделать все, чтобы его стихи узнало как можно больше людей.

Кажется, что я
Явился просто
В мир,
Как будто не было отца.
Что родился я

Соотношение детали и целого, общего и частного, самый способ сравнения («Если это один...», «Если много людей...») отмечены принципиальной новизной. Вспомните стихи «Пение хором». Голос обретает себя в хоре голосов, а индивидуум — в коллективе. Интонация элегической и пафосно-возвышенной Стрельченко предпочел объединенную речь, поднятую на высоту поэзии.

Поэт обращается к хозяйке квартиры. Он просит ее поставить на стол не самовар — глабус, «чтоб я у всей огромной не забывал землю». Далее: «два бантика носика повернуть к дверям». Обыденная, но емкая и умная деталь. Деталь, в которой наблюдение стало поэзией. Стрельченко умел в малом дать большое, показать жизнь в развороте событий, в движении.

Вот к поэту пришла «детства запоздалое веселье» — первая елка в зрелом возрасте. А что было в детстве? Игры — кашка, штык французский, пули всех держав. И вот семейный человек стоит перед елкой:

Кажется, что я
Явился просто
В мир,
Как будто не было отца.
Что родился я

КОРОТКО О КНИГАХ

Летопись славных подвигов

Есть книги, которые нельзя читать без восхищения. Они рассказывают о великих событиях минувших дней, наглядно показывая высокие моральные и нравственные силы нашего народа.

Сборник охватывает период иностранной военной интервенции и гражданской войны, боевые действия наших войск у Хасана и Халхин-Гола, годы Великой Отечественной войны. В заключительной главе показаны успехи наших воинов в овладении военными и политическими знаниями, в дальнейшем укреплении боеготовности нашей армии.

На вкладышах помещены репродукции с картин известных советских художников.

К сожалению, некоторые очерки плохо, небрежно отредактированы.

В целом книга «Во славу советской Родины» читается с большим интересом.

Близкое и родное

Переживания молодого врача на первом его самостоятельном приеме, дружба коллектива сельских врачей, борьба за жизнь и здоровье советских людей — вот о чем рассказывает читатель книга Бориса Жилина «Близкое и родное» (Астрахань, 1954, 153 стр., цена 2 руб. 80 коп.). Эта книга привлекает внимание интересной тематикой, волнующими эпизодами, а главное — искренностью тона.

Книга состоит из отдельных очерков, связанных общим героем, от лица которого ведется повествование. Здесь возникают образы людей разных профессий, возрастов и привычек. Каждый из рассказов имеет свой сюжет, каждый сюжет раскрывает характер нового персонажа.

С подлинной лиричностью рисует Б. Жилин картины волжской природы, с теплотой и задушевною повествует о людях колхозной деревни. Но в книге порой звучит неверное противопоставление города и деревни, селу и его труженикам. Почему-то получается, что почти каждый горожанин, приехавший в деревню, нуждается в «перевоспитании». Этот недостаток тем более досаден, что в целом книга привлекает правдивым рассказом о трудовых буднях сельских врачей.

На яркой голубой обложке нарисована стайка удивленных рыб. Еще бы не удивляться! Рядом с ними, совсем как равная, плывет синяя vareжка, плывет и «заяц себе толстым пальчиком, как плавничком, помахивает». Об этом рассказано в сборнике сказок В. Баумаль «Синяя vareжка» (Детизн, 1955, 16 стр. Цена 1 руб. 55 коп.).

Просто, тепло, с большим юмором говорит писательница о записанном рубчике и медлительной улитке, о глупом цыпленке и хитрой гусенице. А самую крохотную сказку «Огурец и капуста» хочется привести целиком: «Однажды кочан капусты и огурец пошли вместе купаться на реку. Огурец сразу в воду бросился. А кочан капусты как стал раздвигаться — раздвигался до самого вечера. Огурец, дождавшись его в воде, от холода весь покрылся пулырышками».

Сказки эти как бы притворяются перед детьми, еще не читателями, а только слушателями, окошко в окружающий их мир. Они развивают фантазию ребенка и при этом заставляют думать. Они хороши еще и тем, что коротки. В книжке помещены удачные рисунки художника В. Лосина — красочные и забавные.

«Литературное наследство». Том 62. Герцен и Огарев. II. Изд. Академии наук СССР. М. 1955.

ГОЛОСА РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Я. ЭЛЬСБЕРГ

В новом томе «Литературного наследства» нет ни одного письма самого Герцена, здесь помещены сохранившиеся в его архиве письма корреспондентов редакции «Колокола», и тем не менее образ великого деятеля русского освободительного движения встает со страниц этих документов чрезвычайно рельефно.

Для каждого корреспондента Герцена встречи с ним были переживаниями, событиями, навсегда оставившим след в жизни. Герцен и великое дело вольной русской печати были для его современников огромной силой, мощно влиявшей на русскую жизнь.

И корреспонденты Герцена и Огарева делаются с ними своим политическим опытом, дают практические советы, предлагают свою помощь общему делу и действительно самоотверженно оказывают ее.

Потому-то в этих письмах так много живого чувства и энергии, любви и полемички.

В 1851 году, в самое дурное время николаевщины, за границей, в Париже, оказался молодой литератор А. Чумиков. В 40-х годах близкий к петрашевцам. И первая мысль и желание его — написать Герцену, за сношения с которым тогда грозили казematы и Сибирь и от которого трусливо отрезались его либеральные московские друзья.

Он выполняет тем самым «общепринятую, данное себе и другим» — много молодых и смелых голов томительно жудт в России восточки о лондонском изгнании... И желание А. Чумикова исполнилось, он получил ответ от Герцена. «...Я с гордостью смотрю на ваши строки, на строки человека, которого уважаю выше всего на свете» — это не дешавая и выспренная восторженность! А Чумиков с антагонизмом похватывает и развивает азветную мысль Герцена об организации вольной русской печати, мысль, выразившую национальную народную потребность и уже занимавшую петрашевцев: «Вы авторите (а нас более, чем вы полагаете), и мы стаю без волея: руководействуйте нами, пишете более, только не для Европы, а для нас собственно — Европа вас не поймет, она слепа и глуха теперь! Пишите по-русски. Старайтесь найти средство распространить ваши сочинения в отечестве...» А как важно было Герцену в своем одиночестве услышать слово моральной поддержки!

Новый том «Литературного наследства» особенно интересен и значителен потому, что в нем преобладающее место занимают письма русских революционеров 60-х годов, представителей молодого поколения русского освободительного движения — А. и Н. Серно-Соловьевичей, Н. Обручева, И. Кельсиева, Н. Жуковского, В. Коваленского, Н. Николаева и многих других. Как резко разнятся эти письма даже по своему тону от писем таких либералов, как Н. Мельгунов, С. Громска и т. п. Эти люди в 50-х годах лебезили перед Герценом, осыпали его лживыми комплиментами, расцениваемыми на то, чтобы оторвать его от революционной демократии, превратить «Колокол» в орган либерализма. В 60-х же годах они боязливо от него открепивались.

В письмах молодых революционеров пустых слов нет. От их строк веет, говоря словами Некрасова, «доблестью, запечатленной кровью». Здесь звучит искренняя любовь к Герцену и Огареву, а порой столь же искренняя и резкая критика их колебаний и ошибок. Публикуемые письма опровергают традиционное представление о том, что 1862—1863 годы ознаменовали

особенно интересен и значителен потому, что в нем преобладающее место занимают письма русских революционеров 60-х годов, представителей молодого поколения русского освободительного движения — А. и Н. Серно-Соловьевичей, Н. Обручева, И. Кельсиева, Н. Жуковского, В. Коваленского, Н. Николаева и многих других. Как резко разнятся эти письма даже по своему тону от писем таких либералов, как Н. Мельгунов, С. Громска и т. п. Эти люди в 50-х годах лебезили перед Герценом, осыпали его лживыми комплиментами, расцениваемыми на то, чтобы оторвать его от революционной демократии, превратить «Колокол» в орган либерализма. В 60-х же годах они боязливо от него открепивались.

Интереснейшее и многостороннее содержание рассматриваемого тома в газетной заметке охарактеризовать, конечно, невозможно. Хотелось только еще отметить, что в нем нашла отражение и международная работа Герцена. Упомянем письмо к Герцену от лица «всех мыслящих поляков» Ломжинского уезда (1860) и письмо Я. Ханыкова (1861), в котором он так рассказывает о своем посещении Фейербаха: «Вас он знает, его знакомы все почти ваши сочинения по немецким и французским переводам. Он просил меня при случае зайти к вам его глубокое уважение. Я ему подарил ваш портрет, чем он очень обрадовался».

Публикуемые материалы сопровождаются богатым по фактическому содержанию и вполне целесообразным комментарием, составленным с обычной для «Литературного наследства» тщательностью.

«Литературное наследство». Том 62. Герцен и Огарев. II. Изд. Академии наук СССР. М. 1955.

„Сказано не лучшим образом“

В. КОЛБАНОВСКИЙ, В. ХМЕЛЕВСКИЙ

«Слепо не видишь...» — усмехнулся Степанов. — Сказано не лучшим образом. А неясность слога, как известно, неясность мысли.

Рудаков пропустил это замечание мимо ушей.

Г. ЛЕЗГИНЦЕВ, «В таинственной стороне»

— Вмешаемся в разговор, товарищи! Встанем на место инженера Рудакова. Услышав замечание. Не пропустил его мимо ушей. Ведь для нас, читателей, проблема «сказанного не лучшим образом» имеет исключительное значение. Мы хотим войти в мир героев романа, повести, рассказа. Хотим лучше увидеть их, яснее услышать, глубже пережить вместе с ними и, в конце концов, полнее понять их, а значит, в какой-то мере и самих себя.

Путь во всему этому один — через слово писателя. Поговорим о трудностях, встречающихся порой на этом пути, о трудностях той работы, которую совершает эстетическое чувство читателя, сопереживаясь с писателем словом. Любимый гражданин не имеет опыта шитья пиджака, но имеет опыт его ношения и потому может сказать портному: «Пожалуйста, посмотрите, мне что-то жмет в плечах». Если это сравнение будет принято благосклонно, то оно точно определит рамки наших замечок.

Когда мы переворачиваем последнюю страничку романа Г. Лезгинцева «В таинственной стороне» (Москва, «Советский писатель», 1955), то первой реакцией, непосредственной, еще не проконтролированной сознанием, было чувство неудовлетворенности, какое обычно возникает вследствие того, что никак не можешь как следует разглядеть то, что очень нужно увидеть. Дело именно в том, что видеть очень хотелось. Г. Лезгинцев повел читателя в интересные места, к интересным людям, в гущу интересных событий.

Природа? — Сибирская северная тайга; тут величаво не открытой еще красоты, дичности достает на сотни романов. Люди? — Коллектив старательской артели золотопромышленной, преобразующийся в коллектив государственных рабочих золотопромышленного рудника. Конфликты и страсти человеческого? — Столкновение романтики искателя «фарта» с романтикой планомерного индустриального овладения богатствами природы; испытание прочности советских общественных отношений, наших моральных устоев в условиях чрезвычайно острого, когда человек с оставшимся сердцем и расхи-

рившимися глазами стоит один на один с самородком, и чувства его, наконец, изнамогают не монше под неприятной и опасной тяжестью металла, великая рука, выхватившая его из земли: человек должен сам, без посторонней помощи, определить, что ему в этом самородке видится прежде всего — то ли сконцентрированное в нем личное благополучие (сытость, довольство, наслаждение, обеспеченные на всю жизнь), то ли столько-то процентов выполнения государственного плана золотодобычи. Слово, золотой Телец, перед чьим человеком падают ниц, или «золотой телец», которого рабочий человек поведет на поводу в свое большое хозяйство.

Представители социалистической индустрии, ведущие артель к великому перевалу, за которым она войдет в ряды рабочего класса СССР: начальник присика инженер Степанов, волевой, срывающийся в администрирование, любящий свою семью и забывающий ее за делами; главный инженер и секретарь партийного бюро Рудаков, старший специалист своего дела — начальник присика — и привнести в работу коммунист Пихтачев, бесшабашная душа, золотые руки, радость и горе артели старателей, поклонник форта, танцующий людей назад и с ужасом убеждающийся, что его поддерживает не народ, а кучка угольников. Старик золотозащитчик коммунист Турбин, коренной вожак масс, и милейший паренек старатель Вася Егоров (он и Пихтачев, на наш взгляд, настоящие, живые люди в романе). Отшельница Наташа, похитившая себе молодость и красоту, и умом, и организаторской комсомольской хваткой; ее отец Захарыч, изведавший все дороги к золоту и под конец жизни увидевший, что есть еще одна, и она наиболее приемлема для человека. Разгуляная Ксюша, «ходячее жалованье» Михайла... Постройка опытного рудника силами артели, находка богатейшей золотопромышленной жилы, тайные походы в тайгу за «своей» золотинкой; бурян, сметающий результаты многодневного труда людей, и свадьба по-старательски — на неделю; грандиозный взрыв половины горы Медвежий и единобразие с медвежатами в забытой штольне; беззаветная любовь Пивана к Наташе и безжалостное убийство Наташи коварной рукой автора (не злодейский обманец, а автор погубил эту милую девушку, и мы готовы дать свидетельские показания по

поводу всей бесчеловечности содеянного)... Вот все это богатство оказалось подернутым какой-то дымкой. То фигуры людей как бы не в фокусе, то облик вдруг приобретает странные черты, как бывает, когда смотришь в окно после дождя, и капли на стекле, преломляя лучи, вносят свои причудливые коррективы. Таких преград, когда мы их стали сознательно искать при втором и третьем чтении, оказалось много. Но так как все они лежат за пределами узкой темы этих замечок, мы сразу перейдем к одному, обескуражившему нас явлению: очень часто и очень во многих случаях мешало читателю видению слова писателя, ставшее в романе в качестве странно враждебные отношения с автором и его намерениями.

Что в слове заключена сила, — это несомненно. Так же несомненно и то, что материальной, объективной основой силы слова является дело.

Написано: «В начале было Слово» — и вот уже одно приятствие готово: Я слово не могу так высоко ценить... Но свет блеснул — и выход вижу я: В Ленини начало бытия!

Сила заключена в слове постылку, поскольку оно отражает в себе накопленный человеческой практикой опыт отношений человека с окружающей средой. Стало бытие, эта сила не безусловно принадлежит слову, и надеяться на безусловную вооруженность слова никак нельзя, а, наоборот, приходится учитывать, что имешь дело с величиной переменной, колеблющейся, усложняющейся, исчезающей и зависящей от многих данных условий. Недаром у нас в быту родилось меткое определение «пустые слова». Для художественного произведения все эти определения нужно дополнить еще одним соображением: здесь сила слова определяется не только общей человеческой практикой, отраженной в нем, но прежде всего индивидуальным опытом писателя. Чем меньше индивидуальный опыт художника заключен в силе слова, тем меньше его воздействие на эстетическое чувство читателя.

Мы берем наудачу с разных страниц романа пикетки художественной обличивки поведенного автором здания и просим прищуриться и их воздействию на читателя. «Принудленная снегом широкая улица», автомашины, поехавшие на «корогольках жуков», «серебристый водопад», «золотые соломенные зародки», «бездонные снега»,

с портрета «Плывч прищурясь смотрел на него», «черные бархатные кварталы распаханной земли», «черные распаханные поля», «мягкий свет (лампы) разлился по комнате» и т. д., и т. д., и т. д. Можно было бы угадать еще очень много подобных общинчивых пикеток со стройловидцаки тов. Лезгинцева. Но и выборки, приведенные выше, помогают выяснить первое противоречие между работой автора романа и работой слова в этом же романе.

Это первое противоречие таково: автор ведет читателя в новый мир, в неизведанные дали. А слова, которыми он оперирует, действуют в направлении прямо противоположном. Испытывая, но настоящей, а главное, со страшной методичностью они убеждают читателя: не верь, нет ничего нового, все давно известно... Сколько раз и со скольких страниц развлеклась перед тобой по комнате мягкий свет лампы! И черта, и позы черта, и десять лет назад снег принудивал улицы...

Не знаем, сумеет ли мы это сделать, но нам очень хочется передать писателю наши, читательские, затруднения перед лицом этой враждебной подпольной работы, которую ведет против замысла автора слово в его произведении. Враждебной работы, разрушающей, разлагающей, подобно патогенной бактерии, живую и нежную ткань художественности. Причем ведь мы, читатели, даже не подозреваем, читая об этой работе, весьма благодушно принимаем и золотую солому и черные кварталы распаханной полями. Они легко проходят, не раздражая чувства красоты и не активируя сознание. Но где-то в мозгу каждое из них, минуя, оставляет серенькую капельку безразличия, равнозначности, и так это продолжается, пока «дурно» количество не перейдет в качество, и тогда рука устало откладывает книгу, а мысль регистрирует итог: «Ох, до чего все знакомо-перезнакомо». Бактерия сделала свое дело.

Их безразличное влияние с особой силой сказывается, когда читатель входит в шумный круг новых знакомых. Можно бы начать с «длинного, как жердь, маршевого шага» или с облика мужественного начальника присика инженера Степанова, имеющего привычку подтягивать ремеш «на своей осяной талии», но будем вежливы, — уступим дорогу женщинам.

С первой обитательницей поселка Южная мы встречаемся на стр. 37-й романа, когда Степанов, вернувшись из командировки и побывав у разведчиков, открывает новую золотопромышленную жилу. Работы, совершаясь при чтении художественного произведения, не есть работа критическая или редакторская, а есть работа непосредственного восприятия. И тут единство слова и мысли, формы и содержания, учет сложнейших взаимосвязей, взаимовлияний массы слов, которыми, как пла-

стическим материалом, оперирует художник, играют решающую роль. В частности, малейший неучет «посторонних» влияний, которые слово несет читателю, может оказаться всем известной ложкой дегтя...

Инженер Рудаков — отзывчивый человек, чуткий к каждому движению души других людей. «Всему миру печальник», как зовит иногда над ним Степанов. Глубокая, не наигранная, а искренняя, всей натуре присущая человечность составляет самую характерную черту инженера Рудакова. И как же, по чести говоря, трудно и грустно читателю разгадывать этот образ из-за того, что на стр. 54-й Рудаков «добродушно-насмешливо» окликает рабочих на стр. 83-й «добродушно-насмешливо» взглядом осматривает пастухов, на стр. 162-й «добродушно-насмешливо» глядит на начальницу и т. д. и т. п. Так что же в самом деле Рудаков: душевный человек или завонная итрушка, разная стандартные усмешки всем и вся?.. Такую задачу приходится решать воображению читателя вследствие однообразного повторения малозначительной характеристики.

И нам хочется снова и снова подчеркнуть, что подобные задачи ставятся в процессе чтения непрерывно в общем потоке эмоциональных воздействий, несущихся в читателю со страниц книги. Что часть этого потока целенаправленно автором, а другая часть возникает, так сказать, самопроизвольно и действует сама по себе, для читателя безразлично; его воспринимающий аппарат берет из книги все впечатления и из них воссоздает образ. Мы думаем, что даже такие мелочи, как то, что Лида зарзариливо смеется в Ленинград (на 98-й стр.), а Сергей Иванович зарзариливо смеется на 83-й стр. в тайге, не проходят даром, а вносят свою лепту в ту работу разделения художественной целостности образа людей, складывающихся у читателя в постепенном протуплении восприимчивости, о которой говорилось выше. И это тем досаднее для нас, читателей, что Лезгинцев дает богатейший материал, что он, написав свою книгу, смело приклад творческому эстафету из таких рук, как Брет-Гарт и Лондон, Мамин-Сибиряк и Пихтов.

Таков круг наших читательских затруднений. С ними мы и обращаемся к писателю. И не только к нему, но и к нему советуем — первому читателю романа, рассказов и повестей — в литературному редактору обращаем мы нашу просьбу: «Пиджак шить престранно, но посмотрите, пожалуйста, мне что-то жмет в плечах» (если, конечно, эта просьба будет принята благосклонно вместе с той ложкой критики, которая в ней заключена).

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета» № 131 3 ноября 1955 г.

«Литературная газета»

